Глава 11

УЗИ для носорога

Dicerorhinus sumatrensis

Сучи я впервые увидела со стороны ее громадного зада — около метра в ширину, покрытого красноватыми жесткими волосами. Красновато-коричневая кожа походила на фактурный линолеум. Сучи, суматранский носорог, живет* в зоопарке Цинциннати, где она родилась в 2004 году. Когда я подошла к ней, вокруг ее внушительного зада уже выстроилось несколько человек. Они ласково его похлопывали, так что я тоже протянула руку и потерла шкуру Сучи. На ощупь та напоминала ствол дерева.

Доктор Терри Рот, высокая худая женщина с длинными каштановыми волосами, собранными в пучок, директор учрежденного при зоопарке Центра по сохранению и исследованию видов, находящихся под угрозой исчезновения, зашла в вольер к носорогу, облаченная в медицинский костюм. Она натянула чистую одноразовую перчатку на правую руку почти до плеча. Один из смотрителей, ухаживающих за Сучи, завернул хвост носорога во что-то вроде пищевой пленки и отодвинул в сторону. Другой смотритель взял ведро и встал у головы животного. Было трудно что-либо

* Сучи умерла 30 марта 2014 года от гемохроматоза, уже после того, как была опубликована эта книга. — *Прим. ред.*

разглядеть за пышными формами Сучи, но мне сказали, что ее кормят нарезанными яблоками, и я действительно слышала хрумканье. Пока Сучи была увлечена едой, Рот натянула вторую перчатку поверх первой и взяла предмет, похожий на пульт для видеоигр. А затем засунула руку в задний проход носорога.

Из пяти существующих сейчас видов носорогов суматранские — *Dicerorhinus sumatrensis* — самые мелкие и, если можно так выразиться, самые древние. Род *Dicerorhinus* появился около 20 миллионов лет назад, то есть родословная суматранского носорога восходит (почти без изменений) к эпохе миоцена. Генетический анализ показал, что этот носорог — ближайший родственник из ныне живущих шерстистого носорога, во время последней ледниковой эпохи обитавшего на обширной территории от Шотландии до Южной Кореи[150]. Эдвард Осборн Уилсон, который однажды провел вечер с матерью Сучи в зоопарке Цинциннати и хранит клочок ее волос на своем столе, назвал суматранского носорога "живым ископаемым"[151].

Суматранские носороги ведут скромный одиночный образ жизни, в дикой природе обитают в густом подлеске. У них два рога — большой на конце морды и поменьше над ним, — а также заостренная верхняя губа, помогающая захватывать листья и ветки. Их половая жизнь, по меньшей мере с человеческой точки зрения, крайне непредсказуема. У самок этого вида овуляция индуцированная, то есть они не дают яйцеклетке выйти из яичника до тех пор, пока не почувствуют, что поблизости есть подходящий самец. Для Сучи ближайший подходящий самец находится за пятнадцать тысяч километров, вот почему доктор Рот стояла около носорога, засунув руку с прибором в его прямую кишку.

Примерно за неделю до этого Сучи сделали инъекцию гормонов, чтобы стимулировать яичники. Через несколь-

ко дней Рот провела искусственное осеменение — через складки шейки матки Сучи ввели длинную тонкую трубочку, через которую закачали баночку размороженного семени. Судя по записям доктора Рот, процедуру Сучи "перенесла очень хорошо". Теперь пришло время для УЗИ. На экране компьютера появилось зернистое изображение. Доктор Рот определила местонахождение мочевого пузыря, выглядевшего темным мешком, и двинулась дальше. Она надеялась, что яйцеклетка в правом яичнике Сучи, которую было видно во время осеменения, высвободилась. Если бы это произошло, появился бы шанс, что Сучи забеременеет. Однако яйцеклетка — черный круг в сером облаке — находилась там же, где Рот видела ее в последний раз.

"Овуляции у Сучи не произошло", — объявила Рот полудюжине смотрителей зоопарка, окруживших ее, чтобы в случае надобности чем-то помочь. К тому моменту уже вся ее рука целиком исчезла внутри носорога. Помощники хором вздохнули. "Вот черт", — сказал кто-то. Рот вытащила руку и сняла перчатки. Она была явно расстроена, но не выглядела удивленной таким исходом.

Когда-то суматранский носорог встречался и в предгорьях Гималаев, на территории нынешних Бутана и Северо-Восточной Индии, и в Мьянме, Таиланде, Камбодже, и на Малайском полуострове, и на островах Суматра и Борнео. В XIX веке этот вид все еще был настолько распространен, что считался сельскохозяйственным вредителем. По мере того как уничтожались леса Юго-Восточной Азии, ареал носорога уменьшался и фрагментировался. К началу 1980-х годов популяция сократилась до нескольких сотен особей, большинство — в труднодоступных районах Суматры, остальные в Малайзии. Казалось, что животных ждет неминуемое вымирание, — пока в 1984 году группа специалистов по охра-

не природы не собралась в Сингапуре, чтобы попытаться выработать стратегию спасения. Разработанный план включал, помимо прочего, создание программы по разведению вида в неволе, чтобы уберечь его от полного исчезновения. Было поймано сорок носорогов, семь из которых отправили в зоопарки США.

Запуск программы ознаменовался провалом. Не прошло и трех недель, как пять носорогов в питомнике на Малайском полуострове скончались от трипаносомоза — болезни, вызываемой паразитами, которых переносят двукрылые. Десять животных были пойманы в Сабахе, малазийском штате в восточной части Борнео. Два из них умерли от травм, полученных во время отлова. Третий носорог из этих десяти погиб от столбняка, а четвертый угас по неизвестным причинам. К концу десятилетия ни одно животное не произвело потомства. В США уровень смертности носорогов был еще выше. В зоопарках животных кормили сеном, но оказалось, что суматранские носороги не могут питаться одним сеном, им необходимы свежие листья и ветки. Пока это поняли, из семи отправленных в Америку носорогов остались в живых только три, все в разных городах. В 1995 году журнал *Conservation Biology* опубликовал статью о программе разведения в неволе. Она называлась “Как помочь виду вымереть”.

В том же году зоопарки Бронкса и Лос-Анджелеса предприняли последнюю отчаянную попытку спасти носорогов — отправили своих оставшихся животных, двух самок, в Цинциннати, где содержался единственный выживший самец, Ипу. Доктор Терри Рот была приглашена, чтобы разобраться, как с ними быть. Поскольку эти животные ведут одиночный образ жизни, поселить их в одном вольере нельзя, однако очевидно, что, пока они не окажутся вместе, они не смогут спариваться. Рот активно занялась изучением физиологии носорогов, в том числе анализом образцов кро-

ви и мочи, а также измерением уровня гормонов. Чем больше она узнавала, тем яснее видела, как множатся предстоящие трудности.

"Это очень непростой вид", — сказала мне Рот, когда мы пришли к ней в офис, где на полках расставлены деревянные, глиняные и плюшевые фигурки носорогов. Рапунцель, самка из Бронкса, оказалась слишком старой для размножения. Эми, самка из Лос-Анджелеса, была подходящего возраста, но овуляции у нее почему-то не происходило — загадка, на разрешение которой у Рот ушел почти год. Как только исследовательница поняла, в чем проблема — самке носорога нужно было почувствовать рядом самца, — она начала устраивать короткие, тщательно контролируемые "свидания" между Эми и Ипу. После нескольких месяцев таких взаимоотношений Эми забеременела. Затем у нее случился выкидыш. Она вновь забеременела, но с тем же результатом. Всего было пять выкидышей подряд. У Эми с Ипу возникли проблемы с глазами, которые, как в конце концов определила Рот, стали результатом слишком длительного пребывания на солнце (в дикой природе суматранские носороги живут в тени деревьев). Зоопарк Цинциннати вложил полмиллиона долларов в навесы, изготовленные по специальному заказу.

Эми вновь забеременела осенью 2000 года. На сей раз Рот начала давать ей гормональные добавки, которые самка носорога потребляла в виде ломтиков хлеба, пропитанных раствором прогестина. Наконец, после шестнадцатимесячной беременности Эми родила самца, которого назвали Андалас. За ним последовала Сучи — ее имя означает "святая" по-индонезийски, — а затем еще один самец, Харапан. В 2007 году Андалас был отправлен на Суматру, в питомник, расположенный в национальном парке "Вай-Камбас". Там в 2012 году он стал отцом малыша Андату — внука Эми и Ипу.

Сучи в зоопарке Цинциннати

Безусловно, три носорога, рожденные в неволе в Цинциннати, и четвертый, появившийся на свет в парке на Суматре, не восполнят большое число животных, погибших за это время. Однако они оказались, в общем-то, единственными суматранскими носорогами, в принципе рожденными за последние три десятилетия. С середины 1980-х годов количество суматранских носорогов в дикой природе резко уменьшилось, до такой степени, что сейчас в мире их осталось, по-видимому, меньше сотни. Крайне иронично: люди так рьяно уничтожали этот вид, что теперь только их героические усилия могут его спасти. Если у *Dicerorhinus sumatrensis* есть будущее, то исключительно благодаря доктору Рот и горстке таких, как она, кто знает, как провести ультразвуковое исследование, засунув руку в прямую кишку носорога.

То, что происходит с *Dicerorhinus sumatrensis*, в той или иной степени относится ко всем носорогам. Яванский носорог, который когда-то обитал почти во всей Юго-Восточ-

ной Азии, теперь считается одним из самых редких животных на Земле — осталось, вероятно, меньше пятидесяти особей, все в яванском национальном парке (последнее животное из известных, жившее в другом месте, во Вьетнаме, было убито браконьером зимой 2010 года). Индийский носорог — самый крупный из пяти видов; его шкура выглядит так, словно он натер себе на ней большие складки, как написал в одной из своих сказок Редьярд Киплинг. Количество животных данного вида снизилось примерно до трех тысяч особей, живущих в основном в четырех парках индийского штата Ассам. Что касается черных носорогов, то численность их популяции сто лет назад в Африке достигла миллиона, но с тех пор снизилась до пяти тысяч особей. Белый носорог, также из Африки, — единственный вид носороговых, который в настоящее время не находится под угрозой вымирания. В XIX веке охотники почти полностью истребили белых носорогов, в XX их численность удивительным образом восстановилась, а теперь, в XXI веке, вид снова страдает от рук браконьеров, продающих рога носорогов на черном рынке по пятьдесят тысяч долларов США за килограмм. (Носорожьи рога, состоящие из кератина, как и наши ногти, долгое время использовались в традиционной китайской медицине, но в последние годы стали еще востребованнее в качестве дорогого клубного "наркотика" — в клубах Юго-Восточной Азии измельченный рог нюхают как кокаин[152].)

Вместе с тем у носорогов, безусловно, есть много доброжелателей. Люди испытывают глубокую, почти мистическую привязанность к большим "харизматичным" млекопитающим, даже если те находятся за оградой. Именно поэтому зоопарки тратят так много ресурсов на то, чтобы показывать носорогов, панд и горилл. (Уилсон описывал вечер, проведенный в Цинциннати с Эми, как "одно из самых памятных событий" в его жизни.) Однако почти вез-

де, где большие харизматичные млекопитающие не заперты за оградами, они находятся в опасности. Из восьми видов медведей, существующих в мире, шесть имеют охранный статус "уязвимый" либо "вымирающий". Численность азиатских слонов снизилась на 50 % за последние три поколения. У африканских слонов дела обстоят получше, однако им, как и носорогам, все больше угрожают браконьеры. (Результаты недавнего исследования показали, что популяция африканских лесных слонов, которых многие ученые считают отдельным от саванных слонов видом, уменьшилась более чем на 60 % лишь за последние десять лет[153].) Чуть ли не у всех больших кошек — львов, тигров, гепардов, ягуаров — также снижается численность. Не исключено, что через сто лет панды, тигры и носороги останутся лишь в зоопарках или, как сказал Том Лавджой, на столь небольших и строго охраняемых участках дикой природы, что их можно будет считать "квазизоопарками"[154].

На следующий день после УЗИ Сучи я снова отправилась навестить ее. Стояло холодное зимнее утро, поэтому ее держали в так называемом амбаре — низком здании из шлакобетонных блоков, внутреннее пространство которого было разграничено словно под тюремные камеры.

Я приехала около 7:30 утра, во время кормления, поэтому застала Сучи жующей листья фикуса в одном из отсеков. Как сказал мне Пол Рейнхарт, главный смотритель, ухаживающий за носорогами, она ежедневно съедает около пятидесяти килограмм фикуса, который приходится специально доставлять из Сан-Диего самолетом (суммарная стоимость транспортировки составляет примерно сто тысяч долларов в год). Также в ее ежедневный рацион обычно входит несколько корзин фруктов; в то утро ей достались яблоки, виноград и бананы. Сучи, так мне показалось, ела с какой-то

мрачной решимостью. Когда листья фикуса закончились, она принялась за ветки, причем разгрызала их так же легко, как мы разгрызаем сушку, хотя они были несколько сантиметров толщиной.

Рейнхарт описал мне Сучи как "хорошую помесь" ее матери Эми, умершей в 2009 году, и отца Ипу, до сих пор живущего* в зоопарке Цинциннати. "Если где-то можно было влезть в какую-нибудь неприятность, Эми в нее обязательно влезала", — вспоминает он. "А Сучи очень игривая. Но при этом и более здравомыслящая — как ее отец". Мимо нас прошел еще один смотритель, толкая перед собой большую тачку с красновато-коричневым навозом, от которого шел пар, — отходами жизнедеятельности Сучи и Ипу за прошедшую ночь.

Сучи настолько привыкла находиться среди людей — кто-то кормит ее лакомствами, кто-то засовывает руки в прямую кишку, — что Рейнхарт позволил мне немного побыть с ней наедине, пока сам ушел по другим делам. Я гладила ее волосатые бока, будто она была просто огромной собакой (на самом деле ближайшие родственники носорогов — лошади**). Хотя я не могу сказать, что Сучи произвела на меня впечатление игривого животного, она действительно показалась мне ласковой, а взглянув в ее чернющие глаза, я увидела в них — готова поклясться! — некий проблеск межвидового узнавания. Тогда же я вспомнила предостережение одного сотрудника зоопарка: если Сучи внезапно решит мотнуть своей громадной головой, то легко сломает мне руку. Вскоре пришло время взвешивать Сучи. На весы, встроенные в пол соседнего отсека, смотрители положили куски бананов. Когда Сучи медленно приблизилась к угощению, весы показали 684 килограмма.

* Ипу умер 18 февраля 2013 года от рака щитовидной железы. — *Прим. ред.*

** Точнее, лошади и тапиры. Вместе три семейства — носороговые, лошадиные и тапировые — образуют отряд непарнокопытных. — *Прим. науч. ред.*

Очень большие животные, разумеется, стали такими большими не просто так. Уже при рождении масса Сучи была тридцать два килограмма. Если бы она появилась на свет на Суматре, то могла бы пасть жертвой тигра (хотя сейчас и суматранские тигры на грани исчезновения). Однако, скорее всего, ее сумела бы защитить мать, а у взрослых носорогов нет естественных врагов среди хищников. То же относится и к другим так называемым мегатравоядным; взрослые слоны и гиппопотамы настолько велики, что ни одно животное не осмеливается их атаковать. Медведи и большие кошки также вне досягаемости для других хищников.

Преимущества громадности таковы — назовем их стратегией "слишком большой, чтобы кого-то бояться", — что, казалось бы, с точки зрения эволюции это удачный ход. И действительно, в различные периоды на Земле жило множество исполинских существ. К примеру, ближе к концу мелового периода *Tyrannosaurus* были лишь одной из групп огромных динозавров; существовали также род *Saltasaurus* (чьи представители весили около семи тонн), *Therizinosaurus* (крупнейшие представители достигали десяти метров в длину) и *Saurolophus* (динозавры этого рода, вероятно, были еще больше).

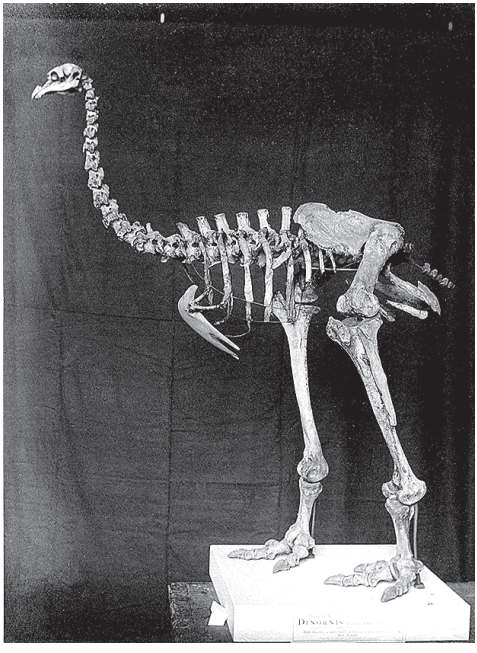
Сравнительно недавно — на закате последней ледниковой эпохи — громадные животные обитали почти повсюду. Помимо шерстистых носорогов и пещерных медведей, в Европе водились туры*, гигантские олени и крупные гиены. Среди североамериканских исполинов были мастодонты, мамонты и западные верблюды, массивные родственники современных. Также там жили бобры размером с современных гризли, саблезубые кошки смилодоны и гигантские ленивцы *Megalonyx jeffersonii* массой около тонны. В Южной Америке обитали свои гигантские ленивцы,

* Турам (*Bos primigenius*) удалось дожить до 1600-х годов. — *Прим. науч. ред.*

а также токсодоны, млекопитающие с телом носорога и головой бегемота, и глиптодонты, родственники броненосцев, иногда выраставшие до размеров автомобиля *Fiat 500s*. Континентом с самой странной и разнообразной мегафауной была Австралия. Там водились дипротодоны, грузные сумчатые, похожие на вомбата размером с носорога, сумчатые львы (*Thylacoleo carnifex*), хищники размером с тигра, и гигантские короткомордые кенгуру, достигавшие трех метров в высоту.

Даже на многих относительно небольших островах были свои крупные животные. На Кипре водились карликовые слоны и карликовые бегемоты. Мадагаскар приютил три вида карликовых бегемотов, семейство исполинских нелетающих птиц, известных как эпиорнисовые, а также несколько видов гигантских лемуров. Мегафауна Новой Зеландии была примечательна тем, что состояла полностью из пернатых. Австралийский палеонтолог Тим Флэннери сравнил данный феномен со своего рода воплощением мысленного эксперимента в реальной жизни: “Это показывает нам,

Diprotodon optatum — самое крупное сумчатое, когда-либо существовавшее на Земле



Самые крупные моа достигали трех с половиной метров в высоту

как мог бы выглядеть мир, если бы млекопитающие вымерли 65 миллионов лет назад вместе с динозаврами* и планету унаследовали бы птицы"[155]. В Новой Зеландии в ходе эволюции возникли различные виды моа, заполнившие экологические ниши, в иных местах занятые растительноядными млекопитающими вроде носорогов и оленей. Самые крупные моа — *Dinornis novaezealandiae* и *Dinornis robustus* — достигали почти трех с половиной метров в высоту. Интересно, что самки были почти вдвое больше самцов[156] и что обязанность высиживания яиц предположительно ложилась именно на отцов. Также в Новой Зеландии водилась огромная хищная птица — орел Хааста, который охотился на моа и имел размах крыльев два с половиной метра.

* Имеются в виду нептичьи динозавры. — *Прим. науч. ред.*

Что же случилось со всеми этими бробдингнегскими животными? Кювье, первым обративший внимание на их исчезновение, считал, что они вымерли в результате последней катастрофы — "переворота на поверхности земного шара", который произошел незадолго до начала письменной истории. Отвергнув катастрофизм Кювье, более поздние поколения натуралистов оказались в замешательстве. Почему исчезло так много крупных животных за столь сравнительно короткое время?

"Мы живем в зоологически обнищавшем мире, который недавно лишился всех самых крупных, самых свирепых и самых странных форм жизни[157], — заметил Альфред Рассел Уоллес. — И для нас, несомненно, гораздо лучше жить в мире, где их уже нет. Но все же это безусловно удивительный факт, которому почти не уделяют достаточно внимания, — столь внезапное вымирание такого большого количества крупных млекопитающих, произошедшее не в одном каком-то месте, а на большей части земного шара".